

М.Б. Катков. – 2. изд., доп. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. – 207 с. – ISBN 5-85859-190-6.

3. Головин, Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия / Б.Н. Головин // Термин и слово. – Горький : ГГУ. – 1981. – С. 3–10.

4. Головина, Е.В. Теоретические аспекты изучения терминов / Е.В. Головина, М.В. Щербакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11–2(77). – С. 57–59.

5. Горная энциклопедия : Горное дело : сайт. – Москва, 2014. – URL: <http://mining-enc.ru/g/gornoe-delo> (дата обращения: 03.09.2024). – Текст: электронный.

6. Горное дело. Терминологический словарь / Л.И. Барон, Г.П. Демидюк, Г.Д. Лидин [и др.]. – 3-е издание, переработанное. – Москва : Издательство «Недра», 1981. – 479 с.

7. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С.В. Гринев-Гриневиц. – Москва : Издательский центр «Академия». – 2008. – 304 с.

8. Словарь по геологии россыпей : Кладоискатель и золотодобыча: сайт. – Москва, 2014. – URL: <http://kladoiskatel.ru/glossary/vertikalnyy-zapras.html> (дата обращения 14.08.2024). – Текст: электронный.

Науч. рук.: Кобенко Ю.В., д-р филол. н., проф.

Ю.В. Кобенко

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

О стиле и языковых модах

В статье обосновывается значимость выделения понятия «стиль» как единства языка и сферы его распространения. Функциональная стилистика рассматривается при этом как макродисциплина лингвистического цикла, в область задач которой входит изучение функциональной стороны языка. В основу рассуждений положена критика текущих подходов к описанию функции словарных элементов в речи.

Ключевые слова: стиль; система; функция; постструктурализм; «дискурс»; языковые моды.

Сегодня с полной ответственностью можно утверждать, что парадигма постструктурализма, зародившаяся в начале шестидесятих годов ушедшего столетия главным образом как салонная практика категорично-рефлекторного отрицания строгости постулатов системно-структурного языкознания в контексте поиска более доступных и подпитываемых конъюнктурой способов самоутверждения в академической среде,

весьма предсказуемо зашла в интерпретационный тупик. Причиной этому послужили сразу два обстоятельства, образующие своеобразную вилку Мортонa данного течения: 1) размытость аппаратных границ, главным и тяжелейшим симптомом которого является коллективное исповедование культа антропоцентризма, и 2) сопряжённое с этим бесконечное и ничем не мотивированное укрупнение рамок объекта исследования, приведшее к тому, что в названиях диссертаций, защищаемых в настоящее время по филологии, отсутствуют термины из аппарата самой филологии (ср. «гендерные стереотипы», «формат знания», «этнокультурная специфика», «ментальное пространство» и т. п.).

Ситуация зримо усугубляется тем, что с постструктурализмом долго и достаточно безосновательно ассоциировалась сама лингвистика, по крайней мере те её аппаратные возможности, которые предлагал сам постструктурализм без оглядки на почтенный возраст истории лингвистических учений, и теперь, если на мгновение допустить не правомерность, а вероятность данного вопиющего нарушения первого закона логики (закона тождества), лингвистика вынуждена разделять со своим нерадивым чадом его досадное положение зашедшего в тупик. Целые ветви системно-структурного и функционального языкознания со сложившимися и устоявшимися аппаратами всё это время объявлялись либо отжившими, либо – нередко вкупе с первым – ограниченными в возможностях интерпретации языковой материи. Парадоксальность данных умозаключений, массово тиражируемых их сторонниками, до сих пор не вызывает сомнений у подавляющего их большинства, а объёмы диссертационных сочинений с единственной задачей неисследовательского толка – обретения заветной корочки – разоряют самые смелые фантазии. Наиболее востребованными оказываются докторские диссертации, поскольку открывают перспективу работы в диссертационных советах, где постструктурализм сегодня не просто установил монополию, но и функционирует в статусе официальной наукообразной религии.

1. Редкая защита диссертации в области филологии обходится сегодня без навязчивой декларации приверженности диссертанта идеям антропоцентризма. Когда же защищающегося просят пояснить, чем оный поспособствовал решению исследовательских задач, оказывается, что произносимая тирада носит не более чем ритуальный характер, который, однако, не должен убаюкивать бдительность членов совета, поскольку при всей кажущейся наивности ею фактически подменяется отраслевая принадлежность защищаемой диссертации: выходит, что последняя выполнена не по филологии, а по антропоцентризму. И дело даже не в том, что таких наук нет в текущем перечне отраслей научного знания, кото-

рый все «передовые» страны с рыночной экономикой считают своим долгом регулярно редактировать с катастрофическими последствиями для многих фундаментальных дисциплин вроде классической филологии, не вписывающихся в рыночную модель «прогрессивного» капитализма. (Кто же сегодня будет интересоваться латынью или древнегреческим, если в мире безраздельно властвует язык капитала – английский, определяющий лингвосоциологическую повестку с верхушки пищевой цепи?) Опасность здесь кроится скорее в том, что при регулярном упоминании подобные мифологемы приобретают вполне официальный статус, тем более в условиях публичных защит, результаты которых по умолчанию признаются научными. Культ антропоцентризма, от которого отказались все уважающие себя науки, доказавшие опытным путём, что *homo* не стоит в центре мироздания, опасен также тем, что выставляет человека не объектом, а субъектом эволюции, своего рода – человекобогом с пропорциями витрувианского человека да Винчи [2, с. 37]. Язык же при этом трактуется как нечто, присущее исключительно роду *homo*, с чем решительно нельзя согласиться. Язык вовсе не ограничен бытием человека и наблюдается везде там, где существует популяция. Даже у грибов есть собственное средство коммуникации, построенное на электрических импульсах и ставящее грибы в один ряд с цефализованными особями, порождающими для внутривидового общения акустические волны. Эволюционизм шагнул настолько далеко в познании законов живой природы, что в скором времени сможет солитарно и без помощи аппаратов таких самодостаточных течений, как постструктурализм, обеспечивать прирост научного знания в гуманитарных областях, многие из которых по примеру филологии стремительно превращаются в крипточеские верования автаркных сообществ.

2. Укрупнение объекта исследования, не менее торжественно преподносимое при изложении аспектов теоретико-реферативной части диссертаций, давно перестало вызывать гордость за исследователя и вызывает лишь беспокойство за валидность полученных результатов. Зачастую данная вольность, прикрываемая расхожим эвфемизмом «научный экспансионизм», выступающим одним из признаков «новой», то есть постструктуралистской, парадигмы языкознания, выглядит как сопряжение совершенно несоотносимых отраслей знаний лишь по факту формальной или содержательной схожести ряда оперируемых терминов, ср.: *морфология* английского языка и *морфология* млекопитающих. Собственно, вторжение в вотчину естественных наук, чем так непомерно гордятся апологеты постструктурализма, ставит перед ними справедливый вопрос о наличии достаточных знаний в областях образовавшегося «нахлёста». Следует подчеркнуть, что антропология не только несколько

веков подряд успешно изучает *homo loquens* без использования терминологических пустышек вроде «концепты», «дискурсы» и «фреймы», но и надёжно снабжает лингвистику данными, которые, собственно, и обеспечивают ей научную новизну в её строгом понимании.

Именно на указанных пороках постструктурализма и лежит ответственность за зашедшую в тупик «лингвистику» и её тяжёлый аппаратный кризис, обусловленный следующей дилеммой: невозможностью, с одной стороны, описать предмет исследования без использования конъюнктурной терминологии, образцы которой приведены выше, а с другой стороны, сомнительной пользой данной терминологии для нужд самой лингвистики. На наш взгляд, нитью Ариадны в сложившейся ситуации может послужить обращение к тем дисциплинам, которые исконно входили в область лингвистики системно-структурного образца.

Одной из наиболее забытых и оболганных дисциплин является функциональная стилистика, берущая своё начало ещё в Древней Греции (ср. значительное количество «обличающих» публикаций, в которых «теоретики» постструктурализма утверждают, что выделение «стилей» было изначально неверным подходом, и предлагают заменить «стиль» – чисто номинально – на более красивый и модный псевдотермин «дискурс»). «Стиль» не просто воспринимается как что-то бесконечно устаревшее и полностью утратившее актуальность (в том числе для порождения новых диссертаций), но и как термин донаучной эпохи, проигравший конкуренцию более позднему галлицизму «дискурс». К счастью, современникам больше не нужно объяснять, что обозначает латинизм *stilus*, прочно вошедший в обиход вместе с электронными планшетами. Стилусы античные мастера подбирали для разных начертательных поверхностей подобно тому, как мастер слова подбирает слова различных стилей, или «штилей» у М.В. Ломоносова, для оформления высказывания.

Чтобы подобраться к природе стиля, следует вначале прояснить различия между такими базовыми понятиями языкознания, как «система» и «функция», которые были намеренно или непреднамеренно стёрты постструктуралистской доктриной за более чем полувековое свирепствование в храмах филологической науки преимущественно на постсоветском пространстве. В сущности, данные понятия образуют наиболее известную дихотомию Соссюра, известную как «*langue vs. parole*» и, очевидно, так и не понятую приверженцами постструктурализма.

Для ясности понимания систему лучше описывать как «устройство языка», а функцию – как его «роль в той или иной сфере человеческого общения». Устройство языка достаточно простое: система состоит из языковых множеств, или полей, элементы которых упорядочены гипо-

гиперонимически, то есть в центре находится основное понятие (гипероним), от которого подобно ветвям дерева отходят второстепенные, или подчинённые, понятия (гипонимы), ср.: «семья» – гипероним, а «отец», «мать», «брат», «сестра» – гипонимы. Гипонимы одного уровня являются когипонимами, например: «отец» и «мать», «брат» и «сестра». В семантику гиперонима входят значения всех элементов поля, а по отдельности элементы уточняют общее понятия, ср.: «деверь», «золовка», «свояк». Таким образом, семантика поля к его центру (гиперониму) «сгущается», а к периферии – «рассеивается», поэтому поля следует описывать при помощи главной антиномии лексикологии «центр vs. периферия».

Функция же предполагает комбинирование элементов полей – одного и того же или разных – для построения конструкций (предложений) в речевой цепи, для которых существуют готовые комбинаторные схемы, ср.: обыгрывание пары контекстных антонимов – антиметабола («*Перелистайте историю земли: везде религия превращает невинность в преступление, а преступление объявляет невинностью*». – Д. Дидро), расположение элементов в зеркальном порядке – эпанодос (нем. *ich¹ will² gehen³, gehen³ will² ich¹* – «я хочу идти, идти хочу я»), в форме греческой буквы χ (хи) – хиазм (*войне нужен капитал – капиталу нужна война*) [1, с. 130, 138] и т. д. Речевое комбинирование функционирует по правилам, которые издревле принято называть грамматикой (гр. *γράμμα* – «написанное, буква»), однако одной грамматикой в её классическом понимании (морфология + синтаксис) они не ограничиваются. Помимо грамматических (словообразовательных и синтаксических) существуют правила *фонетические* («*i*» в английском языке читается в открытом слоге как [ai], ср.: *hide* [haid]), *прагматические* (различие между местоимениями «ты» и «Вы» в русском языке при обращении), *орфографические* (написание имён существительных и субстантиватов с заглавной буквы в немецком языке с целью предотвращения двусмысленности, ср.: *der gefangene Floh / der Gefangene floh* – «пойманная блоха / пленный бежал») и *риторические*, о которых речь шла выше. Чем дальше друг от друга находятся поля, элементы которых комбинируются, тем больше вероятность создания образной комбинации, или выразительного средства, ср.: «*сери* месяца» (метафора), «*ударный кулак сопротивления*» (метонимия), «гол как *сокол*» (сравнение), «*“Красная машина” устроила канадцам ледовое побоище*» (аллюзия).

Поскольку речевое комбинирование подчинено главной цели – выражению эмоций, состояний и умонастроений, то есть реализации выразительной (экспрессивной) функции языка, которая старше его самого и всегда сопутствует номинативной (назывательной), оно находится в ведении такой макродисциплины лингвистического цикла, как стилистика,

возраст и аппаратные возможности которой значительно превосходят соответствующие параметры постструктурализма. Своему статусу макродисциплины стилистика обязана тем, что комбинирование осуществляется на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом и синтаксическом, а значит и фонетика, и грамматика, и лексика являются частными аспектами по отношению к стилистике, поскольку подчиняются комбинаторным закономерностям. Следовательно, то, что называется функциональной стороной языка, или её функциональным полюсом, и есть область задач функциональной стилистики, безотносительно к тому, известно ли это постструктуралистам или нет (хотя многолетний опыт взаимодействия с ними неизменно доказывает второе).

Данную область стилистика делит с прагматикой, изучающей поведение человека в речи, и социалингвистикой, занимающейся преимущественно анализом языковых ситуаций и описанием территориальных (диа- и региолектов), социальных (акро-, мезо-, бази-, металектов, патуа), профессиональных (жаргонов и терминологий) и временных (историолектов и адстратов) репертуаров языка в привязке к социуму-носителю указанных языковых разновидностей. Но даже данное продуктивное сотрудничество стилистики и социалингвистики не осталось без внимания постструктуралистов, предлагающих обосновать новую дисциплину – «социопсихалингвистику» для учёта интра- и экстралингвистических особенностей функционирования языка, косвенно признавая провалы постструктурализма, несмотря на постоянное и навязчивое убеждение в «холистичности» антропоцентрического подхода в каждой второй диссертации по филологии, и полностью игнорируя то обстоятельство, что так называемая «психалингвистика» доказала свою нулевую аппликативность для нужд языкознания. Ошибочным был не столько интракорпоральный вектор изучения языка как сугубо социального явления (и это можно признать главным просчётом Н. Хомского, бездумно скопированным его последователями из Общества имени Макса Планка (ФРГ), занятыми поиском грамматических генов у мышей [4]), сколько донаучное предположение о том, что язык развивается внутри человека вне привязки к социуму. В Средневековье данное заблуждение стоило нестерпимых страданий миллионам младенцев, которым матери или няни подрезали обычным кухонным ножом подъязычную уздечку (лат. *frenulum linguae*), чтобы буквально «развязать» язык. Бытующие тогда представления, что язык передаётся человеку по крови, могут без преувеличения быть частью «картины мира», то есть мировоззрения, и современных постструктуралистов, которые реагируют на факт того, что язык нельзя рассматривать в лучших традициях хомскианства как часть человека, так же неистово, как и средневековые капелланы на откровения еретиков.

Поэтому проведённую демаркационную линию между системой и функцией можно утолщить познанием того, что система является коллективным, нематериальным и абстрактным явлением в отличие от функции (речи), которая всегда индивидуальна, материальна (звук и графика) и конкретна. Но удачнее всего разницу между устройством и ролью эксплицирует следующее сравнение. Систему как устройство можно сравнить с лампочкой, состоящей из цоколя, нити накаливания и грушевидной оболочки из стекла, а функцию как роль – со светом лампочки, который бывает тёплым, холодным, красным, синим (рефлектор Минина для лечения ЛОР-органов) и это только в видимом спектре волн. То есть для решения разных задач освещения используется свой свет подобно тому, как для различных нужд коммуникации используется свой стиль. Следовательно, к каждой сфере использования языка нужно подобрать свою лампочку (*stilus*), при этом у каждой будет цоколь, нить накаливания и грушевидная оболочка, составляющие системные, но не функциональные признаки. Этим-то и грешит так называемый «дискурсивный» подход, который выявляет в текстах сплошь «маркеры», то есть просто слова как элементы множеств (системы), и не хочет замечать оттенки «света», то есть функциональные особенности, как то: выразительные средства, регистры экспрессивно-семантической окраски, жанры, тональность, стилистические черты, репертуары и т. п. Такая природа стиля побудила классика германской стилистики Б. Зандих назвать его «хамелеоном», меняющим свой окрас в зависимости от условий коммуникации [3, с. 49]. Стиль – это единство языка и сферы его использования. Данное определение может стать опорным для реабилитации стилистики в широких лингвистических кругах и закрепления за ней практически утраченного статуса основной дисциплины функциональной направленности.

Таким образом, для анализа системы и функции должны использоваться собственные, отдельные подходы, которые во избежание одноимённости следует обозначить количественным (системным) и качественным (функциональным). Количественный подход к описанию стиля – это и есть *locus communis* (лат. *общее место*) так называемой «дискурсологии» как флагмана постструктурализма, виновного в том, что данное направление весьма предсказуемо оказалось в тупике.

Последним аргументом (лат. *ultima ratio*), используемым постструктуралистами для оправдания своего провального курса и незавидного положения тупиковой ветви языкознания (а скорее подброшенного птенца кукушки, объявившего себя родоначальником гнезда), является следующий: «Когда-то это называлось языком, потом – стилем, а теперь называется дискурсом». В данной попытке самообеливания невооружённым

глазом различима стратегия переноса всей тяжести содержания (в виде громады бесполезнейших «дискурсов», выделенных постструктуралистами за всё время унитарного господства их оккультного учения) на безобидную форму и фактически признание всего разудалого постструктуралистского творчества данью текущей моде, то есть явлением, повлекшим само себя, что лишний раз убеждает опытного исследователя в том, что постструктурализм – лишь синхронное проявление ламаркизма.

Кивание в сторону языковых мод – уловка для непосвящённых. К примеру, в 1844 году, когда К.-Ш. Пьеркен де Жамблу представил Французской академии первый зоолексикон, у лингвистики ещё не было официального названия, и молодой учёный, исследовавший гибридные формы языка в устье реки Амазонки, назвал данное научное направление «*idiomologie*» (фр. идиомология). Спустя 70 лет знаменитые швейцарцы Ф. де Соссюр и Ш. Балли придумали для него своё название – «лингвистика», которое используется до сих пор попеременно с терминами «филология», «языкознание» и архаизмом «глоттология». Что поделать, Франция всегда была законодательницей языковых мод, иначе как термину «дискурс» удалось бы стать настолько популярным, обозначая при этом всего лишь «доклад, выступление»? И как могли великие швейцарцы и позже лъезцы обойти его стороной, не включив ни в ди- и трихотомии, ни в систему комбинаторных схем речи? Быть может, этого не произошло лишь потому, что оно отнюдь не является термином, или же, наоборот, как и полагается модным обозначениям, функционирует лишь как слово-паспарту (фр. *passe partout* – «рамка с полой серединой (для фотографий)»), которое каждый наполняет содержанием по вкусу? И как в этом случае относиться ко всем тем десяткам тысяч диссертаций по филологии, в которых оно фигурирует в качестве объекта или даже предмета исследования? И если термин «язык», по-прежнему используемый как гипероним для (идио)стиля (ср. «язык Пришвина», «язык произведения») можно не без должных оговорок признать допустимым по отраслевому признаку, то псевдотермин «дискурс», последний раз использовавшийся в России в XIX веке в значениях «рассказ» и «диспут, прения», лишён элементарной лингвистической привязки, поскольку вышел из невероятно раскритикованной постмодернистской философии. Безусловно, односложный и выдавший виды латинизм «стиль» проигрывает по звучанию (форме) данному яркому куртуазному галлицизму, однако в содержательном плане постструктурализм, к счастью или несчастью, так и не смог предложить ничего более достойного за свою более чем полувековую монополию в языкознании.

Литература

1. Кобенко, Ю.В. Теоретические основы функциональной стилистики : учебник / Ю.В. Кобенко. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2023. – 296 с.
2. Кобенко, Ю.В. Язык будущего и трансгуманизм / Ю.В. Кобенко // Язык. Общество. Образование: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» (Томск, 10–12 ноября 2020 г.) / под ред. Ю.В. Кобенко. – Томск : Изд-во ТПУ, 2020. – С. 36–42.
3. Sandig, B. Tendenzen der linguistischen Stilforschung / B. Sandig // Stickel, G. (Hrsg.) Stilfragen. – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1995. – S. 27–61.
4. Wenn Mäusemännchen falsch singen / Max-Planck-Gesellschaft. – URL: <https://www.mpg.de/10805052/maeuse-gesang-foxp2> (дата обращения: 13.05.2024). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

А.В. Коньшева

Белорусский государственный технологический университет

Молодёжный сленг как язык современного мира

В статье рассматривается использование сленга в разговорной речи современной молодёжи. Приводятся различные варианты пояснения данного термина учеными, потому что в лингвистике термин «сленг» не обладает терминологической точностью. Различные заимствования, употребляемые в молодёжной среде, обогащают современный язык, делая его более эмоциональным и оригинальным.

Ключевые слова: молодёжный сленг; лексика; английский язык; разговорная речь; речевые штампы.

В современном мире мы постоянно вступаем в коммуникацию: со своими друзьями, родителями, преподавателями, соседями, иногда даже с малознакомыми людьми и т. д. Во всех этих случаях мы используем родной язык. Как известно, любой язык – это часть нашей культуры, т. е. мы используем именно ту лексику, которая свойственна только нашей культуре, поэтому можно отметить, что все события, которые происходят в нашей жизни, оказывают определенное влияние на тот лексикон, который звучит в разговорной речи определенного народа.

Естественно, что в настоящий момент мы не можем говорить на старославянском языке и употреблять его нюансы. Существует и литературный язык, которому обучают в школе и на котором говорят достаточно